

Наблюдая за его игрой через камеру, они чувствовали естественность и не хотели кричать «Стоп». Однако, когда сцена заканчивалась, они сразу же замечали ошибки. Если бы он играл в театре, его импровизация была бы идеальной.

К восьмому дублю одежда Лу Ли была почти полностью мокрой. Весна ещё не наступила, и промокнуть до нитки было настоящей пыткой!

В самый удачный момент, когда Су Цююэ, игравшая барышню, почувствовала сильный зуд в носу и едва сдержала чихание, Чжао Юйган, который до этого не ругался, вдруг разразился гневной тирадой, заставив девушку съёжиться.

Окружающие переглянулись, и в их сердцах закралось странное чувство.

Хотя Лу Ли играл естественно, раньше ошибки были в основном на его стороне. Теперь же Су Цююэ просто хотела чихнуть — ошибка, которую трудно сдержать. Однако Чжао Юйган обрушил на неё всю свою ярость.

Лу Ли чувствовал себя виноватым. Он не понимал, почему Чжао Юйган не ругал его. Су Цююэ снималась с ним уже более десяти раз, и очевидно, что проблема была в его движениях.

Но сейчас было не время задавать вопросы. Лу Ли посмотрел на Су Цююэ с извинением, но она покачала головой, показывая, что не держит на него зла.

Наконец, на двенадцатом дубле они сняли сцену с первого раза.

Чжао Юйган отправил Лу Ли и Су Цююэ принять душ и переодеться. Рабочие приготовили грелки и тёплые пальто, чтобы согреть их, и каждому дали по чашке имбирного чая.

Следующая сцена была из реальной жизни, на том же склоне, куда в старости пришёл Чжан Хуньюй.

Он пришёл сюда на прогулку, среди гор, под мелким дождём. Случайно он оказался на этом склоне и сел на порог старого храма, чтобы отдохнуть.

Снова был вечер, снова шёл дождь, но на этот раз он был не таким сильным, как в его сне, и радуга не появилась.

Чжан Хуньюй невольно сел на порог, вспоминая сон, и смотрел на развевающиеся флаги за храмом. В его глазах всё вокруг казалось таким же прекрасным, как в давнем сне, всё было настолько нереальным, словно сон внезапно стал явью...

Следующая сцена была с У Гофэном. Во время перерыва он подошёл к Чжао Юйгану, чтобы посмотреть отснятый материал. Декораторы и осветители занимались мелкими доработками.

Цянь Чуаньсюн и Сунь Чэнцюй сидели рядом. Цянь Чуаньсюн, глядя на экран, спросил:

— Почему ты не ругал Лу Ли, когда он снимался?

Чжао Юйган закурил сигарету, затянулся и потушил её.

Сунь Чэнцюй, пытаясь смягчить ситуацию, сказал:

— Лу Ли играл естественно, ему только не хватало опыта, но он обладает большим потенциалом, да, большим потенциалом.

Цянь Чуаньсюн сердито посмотрел на него:

— Не надо мне тут разводить демагогию, я вас знаю. Говори правду, Лао Чжао, почему ты не ругал Лу Ли?

Даже если бы Лу Ли был гением, с таким количеством ошибок Чжао Юйган бы его разругал! Этот человек ругался даже на собственного отца во время съёмки. Он не верил, что Чжао Юйган мог быть так снисходителен к Лу Ли.

После той сцены многие артисты и работники задумались.

У Гофэн не удержался от смеха:

— Лао Цянь, ты правда не понял или притворяешься? Ты не заметил?

Сунь Чэнцзюй с сожалением взглянул на Цянь Чуаньсюна:

— Думаю, он правда не понял.

Цянь Чуаньсюн хотел было разразиться гневом, но Чжао Юйган цокнул языком:

— Не вини Лао Цяня, он просто не сталкивался с такими вещами.

У Гофэн и Сунь Чэнцзюй засмеялись, а затем Сунь Чэнцзюй, боясь, что Цянь Чуаньсюн обидится, поспешил объяснить:

— Лао Чжао делает это ради Лао Лу.

Цянь Чуаньсюн нахмурился:

— Ради Лао Лу? — Затем он удивился:

— Вы что, хотите устроить ему неприятности только потому, что Лао Лу его не любит? — В его взгляде появилось презрение. — Это слишком низко, даже для вас.

У Гофэн рассмеялся:

— Видимо, Лао Цянь действительно не понял!

Сунь Чэнцзюй с сожалением покачал головой.

Цянь Чуаньсюн нахмурился:

— Разве он не новичок? Я помню, что он новичок, вчера Лао Лу его высмеял.

Чжао Юйган бросил на него взгляд:

— Тебе не кажется странным? Просто новичок, а Лао Лу, который обычно не обращает внимания на мелочи, вдруг его высмеял. Как ты думаешь, что такого ужасного сделал этот новичок, чтобы вызвать такую реакцию?

Цянь Чуаньсюн задумался.

Честно говоря, большинство из них знали Лу Сюцзина довольно хорошо. Они были сверстниками, их связывало детство, и хотя Лу Сюцзин был немного младше, они называли его

Лао Лу. Цянь Чуаньсюн же познакомился с ними позже. Лу Сюцзин не был театралом, поэтому их дружба с Цянь Чуаньсюном была не такой глубокой. Прадедушка Лу Сюцзина любил театр, поэтому вся семья Лу была с ним в хороших отношениях. С Чжао Юйганом и Сунь Чэнцюем он сблизился благодаря работе. И теперь, когда они загадывали загадки, он всё ещё не мог понять, о чём речь.

— У Лу Ли и Лао Лу есть личные счёты? — с сомнением спросил Цянь Чуаньсюн.

У Гофэн покачал головой:

— Ох, Лао Цянь, ты не заметил, что Лу Ли и Лао Лу носят одну фамилию? Он, генеральный директор Лу, так придирается к артисту с той же фамилией — неужели ты не догадываешься об их отношениях?

Все, кроме Цянь Чуаньсюна, были проницательными. На вчерашней вечеринке съёмочной группы странное поведение Лу Сюцзина не осталось незамеченным. Даже если тогда они не поняли, о чём идёт речь, позже они догадались. Лу Ли, скорее всего, был сыном Лу Сюцзина.

Цянь Чуаньсюн удивился:

— Но Лу Ли — это сценическое имя, не обязательно его настоящее!

В шоу-бизнесе редко используют настоящие имена, большинство берут сценические. Они все были занятыми людьми, и Лу Сюцзин, встречаясь с ними, не упоминал о семье. У него был сын, и он даже женился «по залёту», но как звали его сына, они не знали.

— Кого ещё Лао Лу мог бы так преследовать, кроме собственного сына? — Чжао Юйган снова закурил сигарету.

Цянь Чуаньсюн посмотрел в сторону Лу Ли, где Чжоу Цзыи и другие разговаривали с ним. Казалось, они тоже спрашивали его об этом. Лу Ли несколько раз покачал головой, видимо, он сам был в недоумении.

Цянь Чуаньсюн отвел взгляд:

— Даже если это так, Лао Чжао, ты сделал Лу Ли мишенью?

Всю группу он раскритиковал, даже Чжоу Цзыи, с которым у него были родственные связи. Молодой господин Чжоу, если играл плохо, тоже получал свою порцию ругани. Чем же Лу Ли заслужил такое особое отношение? Даже если бы Лу Сюцзин сам снимался, Чжао Юйган вряд ли бы его пощадил.

Сунь Чэнцюй сказал:

— Это нужно спросить у Лао Чжао, но я думаю, он хочет, чтобы другие считали Лу Ли особенным.

Чжао Юйган кивнул:

— Если я не ошибаюсь, сыну Лао Лу должно быть около двадцати лет, в семье Лу не принято сдавать творческие экзамены. Я тоже проверил, Лу Ли не студент актёрской школы.

Цянь Чуаньсюн удивился, не ожидая, что Чжао Юйган даже провёл расследование.

— Если он не сдавал экзамены, значит, семья не одобряла его вступление в шоу-бизнес, а он сам решил пойти против воли родителей, бросив университет.

Это было точное повторение истории самого Лу Сюцзина! Тот тоже поссорился с семьёй и ушёл в самостоятельное плавание. Прадедушка Лу, хоть и был в ярости, удержал отца Лу Сюцзина от вмешательства. Лу Ли явно талантлив, трудолюбив и одарён, Чжао Юйган считал, что он сможет далеко пойти, но, похоже, в «Кайсе» против него настроены многие.

— Ты хочешь...?

Чжао Юйган сказал:

— Отец и сын ссорятся, это традиция семьи Лу, не стоит принимать это всерьёз. Но когда контракт был отправлен в «Кайсу», руководство компании попыталось его заблокировать! — Он погладил подбородок. — Я просто упомянул, чтобы Лао Лу разобрался с компанией. Если так несправедливо закапывать таланты, что подумают другие? Теперь же...

<http://bllate.org/book/16232/1458438>